Е.С.Сенявская,
доктор исторических наук

ПСИХОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая приобрела особое ожесточение в советско-германском противоборстве. Для СССР это была война на выживание, причем не только государственное, но и национальное, а потому она не ограничилась боевыми действиями регулярной армии: на оккупированной территории, в тылу врага развернулось массовое партизанское движение. Участие во Второй мировой войне против фашистской Германии для Советского Союза приобрело такое значение, что в историю она вошла под названием Великая Отечественная. Уже одно это свидетельствует о колоссальной роли в войне народа и массовых духовно-психологических явлений.

Ключевым для морально-психологического состояния войск в условиях войны является формирование определенных ценностных установок (любовь к Отечеству, патриотические чувства, воспитываемые еще в мирное время), представлений о справедливом характере и целях войны, убеждений в правоте и силе своей армии. В конкретных боевых условиях решающее значение могут приобретать такие идеолого-психологические аспекты, как отношение к врагу, к своей армии и к товарищам по оружию, к опасностям и тяготам войны, к союзникам, к гражданскому населению других стран и т.д.

Массовое сознание — явление сложное; в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки, уходящие корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти. В полной мере это относится и к сознанию народов стран — участниц Второй мировой войны. В ней идеологический фактор не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности политико-воспитательной работы напрямую зависело морально-психологическое состояние народа и действующей армии. Его недоучет (наряду со стратегическими просчетами) способствовал поражению даже при наличии достаточного военно-стратегического потенциала, как это случилось с Францией в мае — июне 1940 г. В то же время наличие достаточного «запаса прочности» в

идейно-психологической сфере оказывалось одним из решающих факторов в способности государства и народа переломить даже крайне неблагоприятный ход событий. Так, для СССР война развивалась от тяжелых, но временных поражений к конечной победе, а для Германии — от триумфальных успехов в ее начале к безоговорочной капитуляции в конце. Огромное моральное и физическое напряжение советский народ смог выдержать в течение почти четырех лет только благодаря наличию духовного стержня, позволившего ему «не сломаться» при всех масштабах людских, территориальных, экономических потерь и собственными силами освободить не только свою страну, но и пол-Европы.

Основная часть населения понимала, за что идет война, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя Победы. В этот период действительно можно говорить о морально-психологическом единстве советского общества. Сам характер фашистской агрессии, нацеленной на порабощение и истребление целых народов, не оставлял им выбора и обусловил особую ожесточенность сопротивления, массовую стойкость и героизм миллионов советских людей.

Лишь в первые дни войны реакция населения на агрессию Германии в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период, и противоречила драматизму ситуации. Весьма распространены, особенно в тылу, были шапкозакидательские настроения. Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, — говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, — что сейчас наши им так всыплют, что через неделю все будет кончено... — Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, — отвечал другой, — надо до Берлина дойти... Недели три-четыре понадобится»[1]. Настроения легкой победы над врагом коснулись даже армии: «В тот день [22 июня] многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной, — вспоминал бывший офицер-артиллерист А.Дмитриев. — Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах «Город под ударом», «Эскадрилья номер пять», в романе Павленко «На Востоке», в песнях, которые ... пели чуть не каждый день. Никто ... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв»[2].

Свою роль сыграл и классовый характер пропаганды: советский солдат был воспитан в духе «пролетарской» идеологии и через эту

[1] Цит. по: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.

[2] *Кассис В., Комаров В., Чичков В.* Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25 — 26.

призму пытался воспринимать врага, вычленяя рабочего и крестьянина из общей массы захватчиков, отделяя их от эксплуататоров. Но уже в первые дни войны рассеялись наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И.Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!» Мы хорошо знали произведения из времен Гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожей отрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!» Кого мы хотели убедить в классовой солидарности — этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»[1].

Отрезвление пришло очень быстро. Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Ожесточенность схватки с фашистской Германией предопределила чувство ненависти как основную психологическую доминанту в отношении к врагу на всех этапах войны. И образ врага-фашиста все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

Сведения, поступавшие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над советским государством, но и над всем народом. Стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной.

Решающую роль в разгроме германского фашизма сыграла Красная армия. Главной силой, вынесшей на своих плечах все тяготы войны, был советский солдат. Учитывая, что кадровый состав вооруженных сил оказался в значительной степени выбит в первые же

[1] *Овчинникова Л.* Пишу перед боем // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.

месяцы войны, в период тяжелых оборонительных боев и отступления, окружения и гибели целых армий, основную часть вооруженных сил СССР, освобождавших страну и дошедших до Берлина, составили гражданские люди, одетые в солдатские шинели[1]. Это обстоятельство явилось одним из важнейших факторов, определявших психологию армии, которая вела справедливую освободительную войну.

На войне существуют и тесно переплетаются две стороны действительности: опасность боя и повседневность быта, которые непосредственно воздействуют на сознание людей, участвующих в боевых действиях. В минуту опасности человек чувствует и ведет себя иначе, чем в обыденной обстановке, при этом многие свойства его личности раскрываются с неожиданной стороны. «Только в бою испытываются все качества человека, — говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Великой Отечественной Б.Момыш-улы. — Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»[2].

Наряду с экстремальной боевой обстановкой важнейшее влияние на психологию солдат и офицеров оказывали специфические условия фронтового быта. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства, — подчеркивал военный психолог Г.Д.Луков. — Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала. Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нрав-

[1] Всего за период Великой Отечественной войны в действующую Красную армию было мобилизовано 34,5 млн человек. См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исслед. М., 1993. С. 139.

[2] *Момыш-Улы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39—40.

ственно устает, переутомляется и т.д.»[1]. Все эти особенности военного быта неизбежно влияли на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в бою.

Существовало множество факторов, влиявших на специфику фронтового быта. Немалое значение имел театр военных действий с точки зрения климатических условий и времени года. Весьма отличался военный быт в период наступления, обороны и отступления. Бытовые условия зависели также от близости к переднему краю, принадлежности к рядовому или командному составу, родам войск и военным профессиям и т.п.

Мы рассмотрим психологию собственно солдат-фронтовиков, то есть тех, кто непосредственно принимал участие в вооруженной борьбе с врагом на переднем крае. Ведь «для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая, "кому война, кому мать родна"»[2]. Психология людей из «второго эшелона» была совершенно иной. Не случайно на фронте так не жаловали «штабных крыс», приписывая им все смертные грехи, часто вполне заслуженно, исходя из своих, «окопных» критериев нравственной оценки человека: «Пошел бы я с ним в разведку или нет». То высокое и не очень начальство, которое появлялось на передовой только в часы затишья и старалось долго там не задерживаться, не могло рассчитывать на авторитет у людей, рисковавших жизнью постоянно, изо дня в день, и не считавших это чем-то особенным.

«Конечно, точка зрения солдата на войну — одна... командира полка — другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, — писал К.Симонов. — Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою»[3]. Впрочем, наиболее существенные психологические различия обусловливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность,

---

[1] *Луков Г.Д.* Психология. (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43 — 44.

[2] *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 117.

[3] *Симонов К.* Солдатские мемуары. М., 1985. С. 301—302.

тем больше людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше. И его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни[1].

Младший командный состав — сержанты, старшины — по своему положению мало отличался от рядовых. Он составлял промежуточное звено между ними и офицерами, но психологически был гораздо ближе к первым. Интересное наблюдение о «трех главных состояниях» русского солдата мы находим в дневнике Давида Самойлова: «Первое. Без начальства. Тогда он брюзга и ругатель. Грозится и хвастает. Готов что-нибудь слямзить и схватиться за грудки из-за пустяков. В этой раздражительности видно, что солдатское житье его тяготит. Второе. Солдат при начальстве. Смирен, косноязычен. Легко соглашается, легко поддается на обещания и посулы. Расцветает от похвалы и готов восхищаться даже строгостью начальства, перед которым за глаза куражится. В этих двух состояниях солдат не воспринимает патетики. Третье состояние — артельная работа или бой. Тут он — герой. Он умирает спокойно и сосредоточено. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное дело»[2]. И еще: «Российский солдат вынослив, неприхотлив, беспечен и убежденный фаталист... Эти черты делают его непобедимым»[3]. В сущности, это собирательный образ народа-крестьянина на войне, образ солдатской массы в одинаковых серых шинелях, внутренне протестующей против этой «одинаковости», «обезлички» и, тем не менее, выступающей как единое целое, подчиняясь долгу и приказу.

Такое обобщение не противоречит тому, что народный характер, то есть черты, сходные у многих, порожденные единством языка, культуры и судьбы, не являются чем-то застывшим и неизменным, но развиваются и изменяются постоянно вместе с изменением обстоятельств, потому что на деле «народ — это неисчерпаемое множество характеров»[4].

Принадлежность к офицерскому составу давала некоторые бытовые преимущества, но, что гораздо важнее, формировала у людей

[1] См.: *Песков В. Война и люди.* М., 1979. С. 154.
[2] *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50 — 51.
[3] Там же. С. 50.
[4] Там же. С. 51.

особый психологический склад. Происходило даже возрождение ряда традиций, заимствованных у старого офицерского корпуса, безжалостно истребленного во время революции и Гражданской войны. Впрочем, это было связано и с изменениями в политике государства по отношению к армии: «признание, хоть и негласное, у народа — защитника Отечества — определенных прав; создание кадровой армии (гвардия — как в старые времена, офицерский устав, столовая, клуб, укрепление вообще статуса офицерского состава); ликвидация «двуначалия» — института военных комиссаров»[1], и как итог, отражающий качественные перемены войска, — введение формы с погонами, встреченное «с интересом и удовольствием"[2]. Но было в укреплении офицерского статуса и то, что вольно или невольно способствовало «отчуждению» от рядового состава, формировало идею «касты». «Еще на фронте мы недоуменно рассуждали об офицерских дополнительных пайках, — вспоминал В.Кардин. — Почему младший лейтенант получает на банку консервов, на кусок масла, на пакетик сахара или табака больше, чем рядовой? Они вместе живут, вместе идут на смерть и ложатся в братские могилы. Но одному положено столько-то калорий, другому — поменьше. После того, как наша армия перешла государственную границу, приказом разрешили посылки на родину. (Содействовал ли вообще этот приказ моральному здоровью войска?) Но и здесь офицеру дали преимущество. Он мог отправлять больше посылок, чем рядовой или сержант. А ведь семьям рядовых и сержантов приходилось особенно туго — они не получали денег по аттестату»[3].

Впрочем, на фронте были свои, особые законы, вносившие существенные поправки в отношения людей, независимо от их воинского звания. Без крепкой фронтовой спайки выжить было просто невозможно. И вот какое наблюдение сделал Вячеслав Кондратьев по вопросу о тех же офицерских «привилегиях»: «Все, наверное, знают, что на фронте офицерам выдавался так называемый доппаек — легкий табак или папиросы вместо махры, галеты и немного сливочного масла, в общем-то ерунда. Но вот те командиры, которые делились с солдатами своим доппайком, держались на передке дольше и убивало их реже. Чем объяснить, не знаю, но факт такой имел место»[4]. Видимо, играл свою роль и чисто психологический момент: офи-

---

[1] *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 271.

[2] *Песков В. Указ. соч. С. 117.*

[3] *Кардин В.* Не застрять бы на обочине. (Из писем фронтовому другу) // Дружба народов. 1989. № 2. С. 243.

[4] *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 117.

цер, пользовавшийся любовью и уважением солдат, чувствовал себя в бою увереннее и надежнее, а на фронте это обстоятельство немаловажное. «Дурные предчувствия» на войне имели несчастье сбываться не только потому, что в экстремальных обстоятельствах обострялась человеческая интуиция, но прежде всего потому, что они являлись отражением усталости и определенного психологического настроя, когда постоянное физическое и нервное напряжение переходит допустимый барьер и превращается в свою противоположность — чувство апатии и безразличия к собственной судьбе, и как следствие — ослабление внимания и самоконтроля, замедление реакции организма на опасность, что значительно уменьшает возможности ее избежать. В то же время любой фактор, повышающий настроение людей, способствовал, в свою очередь, и их «сопротивляемости» в бою, активизации резервных сил организма в целях самозащиты, формирования внутреннего убеждения в том, что «меня не убьют». В этом смысле взаимное доверие командира и подчиненного являлось именно таким фактором. «Отношения между собой у фронтовых солдат, как правило, были дружеские, — вспоминал Д.Самойлов. — Средние офицеры редко обижали и унижали рядовых. Вспоминая тыловые запасные полки, солдаты охотно ругали тамошнее начальство, считая, что вся сволочь окопалась в тылу и по собственной злой воле, да еще и стараясь особо выслужиться, заедает солдатскую жизнь драконовскими строгостями и бессмысленными трудами... Наши командиры проявляли о нас заботу, были просты в обращении, ничего не заставляли делать зря, да и жили примерно так, как жили мы, одинаково разделяя с нами все опасности и превратности фронтовой жизни. Но на фронте не специально подбирались добрые, заботливые, смышленые и смелые командиры — на фронте была необходимость смелой и взаимной выручки, справедливости и заботы. Командиру, не обладающему подобными качествами, не поверят в бою, а не то еще похуже — оставят раненого на поле боя или помогут отправиться на тот свет. Но, конечно, не расчет подобного рода формировал среднего фронтового командира. Вся обстановка опасности, смерти, единения, ответственности, долга, вся непосредственность и жизненность этих категорий, абстрактных в иное время и в иных обстоятельствах, определяли поведение большинства фронтовых офицеров»[1].

Еще одно интересное наблюдение, может быть, небесспорное. Средние командиры, пришедшие из запаса, — инженеры, учителя и люди других интеллигентных профессий, больше жалели солдат, чем кадровые командиры, «быстрее и квалифицированнее оценивали

[1] *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 1. С. 66 — 67.

обстановку и принимали более верные решения», пользовались особым уважением солдат[1]. Впрочем, следует учитывать, что кадровые военные приняли на себя первый удар в начале войны, большинство их погибло еще в 1941 г., а на смену им пришли командиры запаса, люди, по своему сознанию и основному роду занятий глубоко гражданские, но именно они довели войну до победного конца. Да еще мальчишки-лейтенанты, вчерашние курсанты ускоренного военного выпуска. Это среди них, самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории офицеров, были и самые большие потери. «Младшие офицеры войны... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, — вспоминал бывший лейтенант Т.Жданович. — В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи...»[2]

Психологически особенно трудно командовать людьми было именно молодым офицерам, они должны были прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное, но моральное) распоряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, которую собираешься требовать от других. Иногда это принимало форму демонстративной, «на показ» храбрости, граничившей с безрассудством, но бывали ситуации, когда без этого невозможно обойтись. Впоследствии приобретенный таким образом авторитет служил юному офицеру надежной гарантией, что его возраст больше не будет восприниматься как недостаток, особенно по мере того, как неопытность новичка уступает место его зрелости как командира. Но это становление и «взросление» вчерашних школьников, попавших на войну в непривычном качестве человека, наделенного властью, давалось им нелегко. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, — вспоминал Г.Бакланов. — И вот им, восемнадцати-девятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо трудней, чем самому пойти»[3]. У многих солдат, оказавшихся под началом безусых лейтенантов, были уже взрослые дети, ровесники их командира, и характер взаимоотношений между такими бойцами и командирами был особенно сложен, причудливо сочетая солдат-

[1] См.: *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 123.

[2] *Симонов К.* Солдатские мемуары. С. 260.

[3] Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. Вып. 2. М., 1985. С. 124.

ское повиновение и отцовскую заботу и снисходительность у одних, подчеркнутую суровость и уважение к чужому жизненному опыту — у других. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности.

Немалый отпечаток на психологию советских солдат накладывала профессиональная специфика. При этом под профессиональными категориями в период войны подразумеваются в первую очередь рода войск, условия деятельности которых существенно различались, обусловливая тем самым наличие разных представлений, точек зрения на войну через призму конкретных боевых задач и способов их выполнения. «Артиллерист должен поддерживать пехоту; пехоте кажется, что он ее плохо поддерживает, а ему кажется, что она плохо идет. Танкисты говорят, что пехота не пошла за танками; а пехотинцы говорят, что танки от нее оторвались. А истина боя где-то на скрещении всех этих точек зрения»[1]. Среди тех условий, которые определяли особенности психологии, в том числе восприятия военной действительности представителями разных родов войск и военных профессий, наиболее существенными являлись следующие: вид опасности, которому подвергались чаще всего; контакт с противником — ближний или дальний; взаимодействие человека и техники; характер физических и нервных нагрузок.

«Чувство опасности присутствует у всех и всегда, — писал в 1942 г. К.Симонов. — Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»[2]. При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид» смерти. Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине, для моряка — утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера — подорваться на мине, для пехотинца — погибнуть в атаке или под обстрелом и т.д. При этом, привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью.

---

[1] *Симонов К.* Солдатские мемуары. С. 301—302.
[2] *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 94.

Если на пехотинца «давило» тесное, замкнутое пространство танка, казалось, что все пушки врага нацелены на этот «стальной гроб» и достаточно одного попадания, чтобы его уничтожить, то танкист, в свою очередь, очень неуютно чувствовал себя в бою под открытым небом, когда не был защищен броней от пуль и осколков. Так же и летчик, по неблагоприятному стечению обстоятельств оказавшийся в наземных войсках, с трудом адаптировался в новых условиях.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выполняя, каждый по-своему, тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необходимостью убивать, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза; а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигуркой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санинструктор О.Я.Омельченко: «Это ужас… Это не для человека… Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон… Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»[1].

Впрочем, в бою выбора не было: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя. Танкисты, не только стрелявшие из башенного орудия и пулеметов своей машины, но и давившие гусеницами огневые точки врага вместе с прислугой, «утюжившие» вражеские траншеи, подобно пехоте входили в непосредственное соприкосновение с противником, то есть убивали вблизи, хотя и посредством техники. Психологически для них особенно тяжело было «ехать по живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики. «Наш лагерь стоял в лесу, — вспоминает бывшая летчица А.Г.Бондарева. — Я прилетела с полета и решила пойти в лес, это уже лето, земляника была. Прошла по тропинке и увидела: лежит немец, убитый… Знаете, мне так страшно стало. Я никогда до этого не видела убитого, а уже год воевала. Там, наверху, другое… Все горит, рушится… Когда летишь, у тебя одна

[1] *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. Минск, 1985. С. 163 — 164.

мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...»[1]

XX век с бурно развивающимся техническим прогрессом предопределил возникновение системы «человек — машина». Военная техника объединяла столько людей, сколько было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и орудийный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки, и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов и летчиков. Несколько человек, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь каждого члена экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским доппайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» — превращение некоторых родов войск в элитарные — не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В Великую Отечественную таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот, причем военно-воздушные и военно-морские силы — наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель — самолет, подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля было также мало шансов доплыть до берега или быть подобранными другим судном. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию. Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции. Традиции на флоте были более древними, как и сам флот, и соблюдались с необыкновенной тщательностью, являясь для представителей других родов войск предметом зависти и восхищения.

[1] *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. 115.

В воспоминаниях капитан-лейтенанта Л.Линдермана, командира БЧ-2 минного заградителя «Марти», есть такой эпизод. При эвакуации с полуострова Ханко в Ленинград сухопутных войск на борту корабля их размещали следующим образом: командный состав — в каюты комсостава, старшин — в старшинские, личный состав — по кубрикам. Командир стрелкового полка, оказавшись в роскошной офицерской каюте, где царили идеальные чистота и порядок, а затем в кают-компании за накрытым крахмальной скатертью, сервированным, как в хорошем ресторане, столом, не выдержал и воскликнул: «Ну, ребята, в раю живете, ей-богу! Даже лучше: там пианино нет и картин по стенкам... Да... Так воевать можно!» И только по окончании тяжелейшего похода, в котором экипажу пришлось вести напряженную борьбу с плавучими минами, авиацией и береговой артиллерией противника, признал, прощаясь: «Уж ты извини меня, моряк, за тот разговор о райской жизни. Скажу откровенно: лучше два года в окопах, чем две ночи такого похода»[1]. Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться.

И наконец, в отношении человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как живое существо и, если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали. Впрочем, в этом проявлялась и воспитанная сталинской системой привычка ценить человека дешевле, чем самый простой механизм, тем более на войне.

Человек на фронте не только воевал. Наступало затишье, и в эти часы он был занят работой, бесконечным количеством дел, больших и малых, выполнение которых входило в его обязанности и от которых во многом зависел его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Бывший пехотинец А.Свиридов вспоминает: «Все рода войск несли тяготы военных лет, но ничего не сравнится с тяготами пехоты. Кончалось преследование противника, и солдат-пехотинец, если его не зацепила пуля и не задел осколок, переходил к обороне. И начиналась изнурительная физическая работа — окапывание. В подразделении после наступательных боев бойцов оставалось мало, а фронт обороны прежний — уставной. Вот и копал наш труженик за троих, а то и за четверых. Ночь копал до изнеможения, а перед рассветом всю выброшенную из окопа землю маскировал снегом. И день проходил в муках, потому что ни обсушиться, ни обо-

[1] Огненные фарватеры. Л., 1987. С. 57 — 58.

греться негде было. Разогреться, распрямиться нельзя: подстрелит враг. Заснуть тоже невозможно — замерзнешь. И так, шатаясь от усталости, дрожа от холода, он коротал день, а ночью снова надо было копать. Весной и осенью в ячейках, ходах сообщения, да и в землянках воды набиралось почти по колени, день и ночь она хлюпала в сапогах. Иной раз по команде в атаку подняться сразу не всегда удавалось: примерзала шинель к земле и не слушалось занемевшее тело. Ранение воспринималось как временное избавление от мук, как отдых»[1].

Пехота, великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-»охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая, по словам В.Карпова, всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага — в поиск за «языком» или в разведку боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, — писал в военных записках Д.Самойлов. — Назначение пехоты — вести бой. Разведки — все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки — брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»[2]. Из всех многочисленных видов разведки (за исключением агентурной), пехотная разведка была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «На тебя идет танк, — вспоминал фронтовик К.В.Подколзин. — Ты видишь его в прицел. Как бы ни было тебе страшно, надо подпустить его ближе. Осколки стучат, а ты должен точно наводить, не ошибиться, не дрогнуть. Ведь орудие само не стреляет»[3].

Другой бывший артиллерист В.Н.Сармакешев описывал свое состояние так: «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли толь-

---

[1] *Яковенко А.* Когда конфликт неизбежен. М., 1989. С. 188—189.
[2] *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 2. С. 57 — 58.
[3] *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 70.

ко об одном: о своем месте в бою, не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, ловя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: «танк», «бронетранспортер», «пулемет в окопе»), то ни о чем другом не думает, кроме того, что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависит твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»[1]. А танкисты в бою задыхались от пороховых газов, скапливавшихся внутри танка, когда стреляло орудие, и глохли от производимого им грохота. Командир и башнер могли не только сгореть заживо вместе с танком, но и быть разорванными пополам, когда от прямого попадания отлетала башня. По горькому, но меткому определению одного из ветеранов, «судьба танкиста на войне — это обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины».

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели между собой много общего потому, что они сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама эта обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, — вспоминает бывший летчик-истребитель И.А.Леонов. — И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить, чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку, ты можешь определить, примерно, и опыт его, и норов. В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою — ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит: выйдешь ли ты победителем или погибнешь. В те дни почти каждый вылет ист-

[1] *Сармакешев В.Н.* А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.

ребителей был сопряжен с воздушным боем. Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»[1].

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Вот описание только одного боевого эпизода, в котором участвовала гвардейская подводная лодка «Щ-303»: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. «Два часа ада», — напишет потом командир в своих воспоминаниях. Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... «Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...» — вспоминает командир лодки капитан 3-го ранга И.В.Травкин»[2]. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны — в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченным, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, — пишет бывший военврач Г.Д.Гудкова. — А между тем война, даже в периоды успешных наступательных операций, оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выходить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже

[1] *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. С. 39.

[2] *Ворков С.С.* Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64 — 65.

гибель становится повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасать жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды...»[1] По свидетельству многих, на фронте, как это ни ужасно, человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаянья и невосполнимости потери если и не исчезало полностью, то притуплялось. А если вдруг обострялось, его подавляли, «чтоб не мешало»[2]. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызывали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну. Многие медики были вынуждены бросить свою работу.

«После войны в родильном отделении акушеркой работала — и не смогла долго, — вспоминает бывший командир санвзвода гвардии лейтенант М.Я.Ежова. — У меня аллергия к запаху крови, просто не принимал ее организм. Столько я этой крови на войне видела, что больше уже не могла. Больше организм ее не принимал... Ушла из «родилки». Ушла на «Скорую помощь». У меня крапивница была, задыхалась...»[3] В то же время большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях. Именно там уставшие убивать солдаты давали себе клятву: «Если останусь жив, тоже буду спасать людей». «Было в те первые послевоенные годы в нашем Медицинском институте, — вспоминает В.Н.Сармакешев, — стрелянных и покалеченных ребят около пятидесяти из двух тысяч студентов. Но самое удивительное то, что среди тех пятидесяти, пришедших с фронта, не было ни одного медика: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, даже летчики, но ни одного фельдшера»[4]. У каждого из них была «своя» война и забыть о ней каждый тоже старался по-своему.

На войну шли разные люди — по воспитанию, по характеру, по судьбе. Но именно война всех сблизила, объединила общей бедой, перед лицом общего врага. Без такого духовного, нравственного единения победить было бы невозможно. В этом единении и есть та целостность фронтового поколения, которая позволяет отнести к нему представителей различных возрастных когорт, принимавших участие в Великой Отечественной. «Да, действительно, воевали люди разные, — говорил В.Кондратьев, — но ведь воевали с конкрет-

[1] *Гудкова Г.* Будут жить! *Сапожникова М.* «Сестра Валя». М., 1986. С. 179 — 180.
[2] *Гудкова Г.* Указ. соч. С. 181; *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 311.
[3] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 310.
[4] *Сармакешев В.Н.* Указ. соч. С. 133 — 134.

ным врагом, напавшим на нас, вступившим на нашу землю и творящим на ней зверства, и тут уже вставало самое главное — защита своего Отечества, а в этом, в необходимости этого, были убеждены все, здесь было удивительное единство всех, — воевали хорошо даже люди с трудной судьбой. И Гитлер просчитался, надеясь на какое-то разъединение советских людей, он не учел великую силу советского вообще, и русского в частности, патриотизма»[1].

Имея в этой войне общую политическую, нравственную, патриотическую задачу, в конкретной боевой обстановке каждый солдат и офицер выполняли свой долг на определенном боевом посту, видя войну под определенным углом зрения, в результате чего и складывалось их собственное представление о ней. Война была такой долгой, что родила свой быт, психологию, строй чувств. Понять эту «психологию войны» можно только через мироощущение и судьбы отдельных ее участников, находя истину «на скрещении разных точек зрения». Но главная истина может быть выражена словами французского историка М.Ларана: »...Самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»[2]. Этот вывод в первую очередь относится к героическому советскому солдату.

Даже противник вынужден был признать, что советский солдат отличался особыми качествами, которые в условиях войны проявились в массовом повседневном героизме. Тот факт, что в годы Великой Отечественной орденами и медалями СССР награждены свыше 12 млн советских воинов[3], говорит сам за себя, но все же не до конца отражает величие солдатского подвига. Миллионы безымянных героев, отдавших жизнь за Родину и не имевших никаких наград, в не меньшей степени заслуживают благодарной памяти потомков.

---

[1] Слова, пришедшие из боя. С. 226.

[2] *Laran M. Russie* — URSS. 1870—1970. Paris, 1974. P. 200.

[3] *См.: Шумихин В.С., Борисов Н.Б.* Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 222.